

НАСЛЕДНИКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

УДК: 821.161.1

ОТРАЖЕНИЯ «ЧАЙКИ» А. П. ЧЕХОВА
(«РАССКАЗ О БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ» А. М. ГОРЬКОГО
И «ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ» Ю. В. ТРИФОНОВА)

Яблонская Елена Евгеньевна,

*кандидат химических наук,
член Союза писателей России
(РФ, Москва),
e-mail: yablonska59@mail.ru*

В статье исследуются литературные взаимосвязи и параллели пьесы «Чайка» А. П. Чехова, «Рассказа о безответной любви» А. М. Горького и повести «Долгое прощание» Ю. В. Трифонова. Автор статьи подчёркивает неоднозначное восприятие творчества Чехова на рубеже XIX–XX веков на примере дневниковых записей ярких представительниц Серебряного века сестер Герцык.

Ключевые слова: «Чайка», А. П. Чехов, Аделаида Герцык, Евгения Герцык, «Рассказ о безответной любви», М. Горький, А. Н. Островский, «Бесприданница», Ю. В. Трифонов, «Долгое прощание».

Комедия «Чайка» – ныне одно из самых цитируемых, изучаемых, востребованных, любимых произведений А. П. Чехова. Так, однако, было не всегда. По воспоминаниям яркой и типичной представительницы Серебряного века Евгении Герцык о периоде 1895–1898 гг. (время, когда была написана и поставлена «Чайка»), творчество Чехова воспринималось многими интеллигентами как «клевета на жизнь»: «...но Чехов – нет, Чехов – клевета на жизнь! Потому что там хоть и атомы, но эта громада в таком стремительном движении, такая мощь потока – дух

захватывает! А Чехову – только бы ничего ни из чего не вышло. Болото» [1, с. 50]. Несомненно, написано это под влиянием статьи «Творчество из ничего» (1904 г.) Льва Шестова, с которым дружили сестры Герцык. Сестра Евгении, поэтесса Аделаида Герцык, отмечает в дневнике: «Тригорин говорит в «Чайке», которую мы видели вчера: «Но ведь я не пейзажист только, я гражданин, я чувствую, что если я писатель, я обязан говорить

о народе, о его страданиях, о будущем, о науке... Но я умею писать только пейзаж, во всем остальном я фальшив и бездарен. Это ужасно». Да, это ужасно...» [1, с. 58]. По-видимому, лишь центральная проблема пьесы, проблема творчества, была осмыслена некоторыми представителями творческой интеллигенции сразу после постановки «Чайки» в Москве в сезон 1898–1899 гг. Шумный успех ее описал в романе «Путешествие Глеба» Борис Зайцев: «В зале некоторое движение. У Глеба холодеют руки. Да, ну а вдруг... В партере кто-то засмеялся. На него шикнули. Смех отозвался в другом месте. <...> К Глебу опять обернулось лицо с теплыми электрическими волосами. – «Я ничего не понимаю». Теперь Вилочка на нее шикнула. – «Тише! Поймете!»» [5, с. 357]. По-видимому, те, на кого так грозно «шикали» в Москве, понимали не сразу и постоянно приносили в понимание что-то новое, свое, глубоко личное, выстраданное. Каждый человек и каждое поколение понимает «Чайку» по-своему.

О драматургии А. П. Чехова и, в частности, о «Чайке» и о влиянии её на писателей, «идущих следом» (за Чеховым), написано очень много. В

А. П. Чехов. Ялта. 1901 год

данной статье нам хотелось бы остановиться только на двух произведениях, в которых отразилась чеховская «Чайка» и о которых в данном контексте ещё никто, насколько нам известно, не упоминал, посчитав, по-видимому, их связь с «Чайкой» само собой разумеющейся и не нуждающейся в специальном рассмотрении.

Первое произведение – это «Рассказ о безответной любви» М. Горького, написанный в 1923 г., о беззаветной, преданной, пронесенной через всю жизнь любви фабриканта Петра Торсуева к некой провинциальной актрисе. Анализируя этот рассказ, В. Гречнев пишет, что Торсуев – чудак, а чудачки, по мнению героя-рассказчика (и автора), «украшают мир». Затем исследователь рассматривает «Рассказ о безответной любви» «как своеобразное продолжение <...> полемики Горького с некоторыми современными писателями и критиками» по проблемам «гуманизма, искусства, любви и т. д.» и называет основой этого рассказа Горького проблему «искусства и жизни, в решении которой затрагиваются самые разные аспекты» [4]. О Чехове и «Чайке» нет даже беглого упоминания, хотя на параллели с «Чайкой» указывают с первых же строк рассказа имя, отчество и род занятий «известной провинциальной актрисы» Ларисы Антоновны. Лариса в переводе с греческого – «чайка», а достаточно редкое отчество говорит само за себя.

Имя и образ Ларисы Антоновны также связывает двух великих русских драматургов – А. Н. Островского и А. П. Чехова. «Прямые переключки между «Чайкой» и драмами «Бесприданница» и «Гроза» были определены Г. А. Бялым и затем подробно рассмотрены в статье А. Г. Головачевой [3]. Образ Ларисы Антоновны у Горького и связанные с ней коллизии также можно соотнести с «Бесприданницей». Так, Лариса Антоновна беспрестанно провоцирует некрасивые стычки между мужчинами подобно тому, как это происходит с Ларисой Дмитриевной, но в отличие от неё, Лариса Антоновна делает это вполне осознанно: «К поклонникам она относилась задорно, капризно и очень любила стравливать их одного с другим» [3, с. 61]. «Ленца движений и слов» [3, с. 42] и «ленивенький голос» [3: с. 50] актрисы отсылают (по контрасту) к Аркадиной, которая возмущается «ленивою, вялою походкой» «фефелы» Маши [12, с. 159, 162]. А слова умирающей актрисы: «А помните, во Пскове... А помните, Петруша, в Херсоне <...> Помните, как меня в Курске принимали?» [3. с. 72, 74], несомненно, являются аллюзией, если не сказать пародией, на Аркадину, которая неоднократно называет брата (Петра Сорина) Петрушей.

Лариса Антоновна, в отличие от Аркадиной, бездетна, но Константин Треплев подспудно присутствует в рассказе Горького: из-за безот-

ветной любви к Ларисе Антоновне застрелился младший брат Петра Торсуева, студент Коля.

Вызывающий симпатию всех персонажей «Чайки» доктор Дорн довольно много рассуждает о проблемах искусства и любви, но никому не может помочь ни медикаментозно, ни хотя бы советом или простым участием. В рассказе Горького тоже появляется доктор, страдающий чахоткой, со скептическими рассуждениями в духе доктора Дорна. Он пишет Петру Торсуеву из Швейцарии: «Лев Толстой говорит: «Понятие вечности есть болезнь ума». А я говорю: любовь – болезнь воображения. Наиболее нормально относятся к любви кролики и морские свинки» [3, с. 70, 71]. Лев Толстой упоминается не случайно. Толстой, Чехов и Горький неоднократно встречались в Крыму, и многие женские образы созданы А. П. Чеховым в творческом споре с Л. Н. Толстым о любви, об отношениях между мужчиной и женщиной.

Лариса Антонова придумывает себе мечту, будто она безответно любит чахоточного доктора (напомним, в «Чайке» доктора Дорна безответно любит Полина Андреевна Шамраева), а «в сорок четыре года начались у неё опасные сердечные припадки» [3, с. 72], закончившиеся скорой, в том же году, смертью. А. П. Чехов тоже умер от чахотки в 44 года. Таким образом, рассказ Горького, на наш взгляд, является, по существу, объяснением в любви не только разорившегося «мыловаренного» фабриканта к провинциальной актрисе, но также и любви Горького к Чехову, своеобразным венком «цветов запоздалых» к почти двадцатилетней годовщине смерти писателя. За четверть века до этого, в 1898 г., Горький пересказывая в письме Чехову не свое, но чье-то впечатление от «Дяди Вани» и «Чайки», писал, что эти пьесы – «новый род драматического искусства, в котором реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа», и кто-то верно заметил: «...никогда еще не видал такой удивительной еретически-гениальной вещи как «Чайка»» [3].

В отличие от малоизвестного «Рассказа о безответной любви» М. Горького, все творчество Ю. В. Трифонова хорошо знакомо читателям и не обойдено вниманием критики. Так, чеховед И. Н. Сухих назвал Трифонова «подлинным чеховским наследником» [7, с. 54]. А. М. Турков в 1978 г. писал о том, что тяготение Трифонова «к объективной манере повествования, предоставляющей читателю бесконечный простор для работы мысли» [9, с. 9] – от Чехова, и что «в том, как Трифонов тончайше дает почувствовать, сказывается мастерство и такт художника, не даром бравшего уроки у Чехова» [7, с. 14]. Последняя цитата относится как раз к повести Трифонова «Долгое прощание».

Главная тема этой повести, как и в «Чайке», – «тема молодости, вечно дерзающей в искусстве и поднимающей бунт против того, что враждебно ее представлениям об искусстве. Эта тема виделась Чехову в виде шекспировской, гамлетовской ситуации» [6, с. 241].

Действительно, большинство исследователей отмечает тему любви в «Долгом прощании», но главным считают конфликт молодого талантливого драматурга Гриши Реброва с советской системой: «Если талантливые люди не имеют возможности реализовать свой дар, то это означает лишь одно: строй, при котором они живут, обречен» [11, с. 181]. Переключка «Долгого прощания» с «Чайкой», конечно, лежит на поверхности: начинающая актриса, влюбленный в нее молодой неудачливый драматург и его счастливый соперник – конъюнктурщик Смолянов. Может быть, С. А. Экштут [11] и другие современные исследователи (например, А. П. Шитов [10]) ни единым словом не обмолвились о параллелях между «Долгим прощанием» и «Чайкой» не только из-за того, что переключки слишком очевидны, но еще и потому, что тема, рассматриваемая Трифоновым, не только чеховская, но также и «шекспировская, гамлетовская»? Мы полагаем, что «строй» здесь и вовсе не при чем, тем более что советский драматург Ребров, несмотря на давление «системы», реализовал свой дар, оказавшись не в пример удачливее и Треплева, и Гамлета.

По мнению В. Б. Катаева, «в «Чайке» нов сам конфликт: видимая противоположность при скрытом сходстве. В такой разновидности конфликтов заключен и источник комического: обнаружение сходства в, казалось бы, разном» [6, с. 243]. Перефразируя, можно сказать, что конфликт в «Долгом прощании» не нов, а герои, наоборот, при видимом сходстве с персонажами «Чайки» по существу противоположны им. Но так же, как у Чехова, характеры всех персонажей Трифонова сложны, неоднозначны и не таковы, какими могут показаться на первый взгляд.

Актриса Ляля Телепнева при внешнем сходстве с Ниной Заречной по сути – ее антипод. Нина мечтает о славе, утверждает, что она – актриса по призванию, в этом смысл ее жизни, а сущность Ляли – любовь и жалость (к матери, к гражданскому мужу Реброву, к любовнику Смолянову). Пройдя, как и Нина, через смерть ребенка (у нее «родилась и тут же умерла единственная дочка Варенька от менингита» [8, с. 163]) и кратковременный успех на сцене, Ляля без особого сожаления, хотя и после долгой борьбы «из принципа», оставляет театр и становится, в конце концов, счастливой женой и матерью.

Очень похожий на Треплева Ребров тоже совершает самоубийство, но символическое. Он уезжает от любимой (и любящей его) женщины:

«Мне, слава богу, под тридцать, – сказал Ребров. – После окончания жизни» [8, с. 214]. Глубинная его противоположность Треплеву в том, что Ребров после «окончания жизни», символической смерти-ухода, коренным образом меняется, становится успешным и, по-видимому, почти таким же конъюнктурным драматургом, как его былой соперник Смолянов.

Николай Демьянович Смолянов – явный антипод Бориса Алексеевича Тригорина. Если Тригорин – талантливый писатель, для которого писательство – единственный смысл и способ существования (хотя он и тяготится этим, мечтает о «просто» жизни), а во всех сферах, не касающихся дела его жизни, он безволен и равнодушен, то Смолянов, перебивший множество профессий, стал драматургом случайно и не надолго. Внешне он кажется безвольным (у него «непропеченное» лицо), но на самом деле он – человек исключительно волевой, шагающий по головам, совершающий подлости.

Наиболее интересно решена в «Долгом прощании» именно «гамлетовская» тема. Роль неудавшейся Аркадиной играет не мать, а теща Гриши Реброва, которую зовут, как и Аркадину, Ириной. Эта исключительно честолюбивая и властная женщина мечтала стать балериной, жаждала успеха, славы, но не удалось, и теперь все свое непомерное честолюбие она пытается реализовать за счет дочери. Ирина Игнатьевна не только грубо вмешивается в театральные дела Ляли, срамя ее перед коллегами, но и не разрешает дочери зарегистрировать брак с любимым человеком и заставляет ее делать аборт! Думается, доктору Чехову такое развитие характера Аркадиной не могло привидеться и в страшном сне. Поразительно, но подобно тому, как Константин Треплев одновременно ненавидит и любит мать, так Григорий Ребров и ненавидит, и понимает, и оправдывает (а значит, почти любит!) свою «незаконную» тещу: «Нельзя ненавидеть женщину, родившую другую женщину, – ту, без которой нет жизни. Это невозможно, ведь они одно целое, непрерывное. Они – как дерево с ветками. Боль нельзя разделить. Хотела быть балериной и прожила жалкую, садово-огородную жизнь – ну и что же? Нельзя ненавидеть. Человек не замечает, как он превращается во что-то другое...» [8, с. 182].

«Дерево с ветками» и «садово-огородная жизнь» отсылают, разумеется, к «Вишневному саду» и «Черному монаху» Чехова. Функцию Петра Сорина выполняет в «Долгом прощании» отец Ляли, Петр Александрович Телепнев – страстный цветовод. Он отчаянно борется за сохранение сада от наступающих московских новостроек, срезая уникальные цветы на подарки «нужным» людям, которые могут помочь в борьбе за сад. Петр Телепнев (жена зовет его не Петрушей, а Петра-

шей), подобно Петру Сорину, – добрый и мудрый, но так же, как и Сорин, старый, больной и оттого слабый человек, и его борьба с безжалостным временем, как и в «Вишневом саде», бесполезна, сад обречен. Кстати, фамилия Телепнев (телепень – неповоротливый, неуклюжий человек, ротозей, лежебока) относится не к её носителю, а скорее, к его глубоко «зашифрованному» литературному прототипу – очень симпатичному, но все же телепню Петру Сорину. Ведь Петр Телепнев – рабочий-котельщик, затем красноармеец, после войны «учился на рабфаке, работал сперва мастером, а потом до сменного инженера дошел на большом новом заводе» [8, с. 162] и, наконец, известный садовод «по призванию».

В «Долгом прощании» присутствует и своеобразный «доктор Дорн». Это главный режиссер театра Сергей Леонидович. Как и Евгений Сергеевич Дорн, он симпатизирует молодому драматургу, с удовольствием говорит с ним об искусстве и тут же отказывает в элементарной просьбе – дать справку о работе Реброва в театре! Как это похоже на реплику Дорна в ответ на просьбу Маши о помощи: «Что же я могу сделать, дитя мое? Что? Что?» [12, с. 159].

Мы не думаем, что Ю. В. Трифонов, работая над «Долгим прощанием», намеренно соотносил своих героев с персонажами «Чайки», в отличие от А. М. Горького, написавшего «Рассказ о безответной любви» как письмо ушедшему другу, А. П. Чехову. Темы, герои, коллизии, проблематика произведений Чехова так глубоко и прочно вошли в наши сердца и мысли, что многое происходит на уровне подсознания писателя. Впрочем, это всего лишь предположение, а точно ответить на данный вопрос из области психологии творчества нам, к сожалению, или к счастью, никогда не удастся.

Список литературы

1. Герцык Е. К. Воспоминания: Мемуары, записные книжки, дневники, письма / Е. К. Герцык. – М.: Моск. рабочий, 1996. – 443 с.
2. Головачева А. Г. «Сюжет для небольшого рассказа» / А. Г. Головачева // Чеховиана. Полет «Чайки». – М.: Наука, 2001. – С. 19–35.
3. Горький М. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 16 / М. Горький. – М.: Гослитиздат, 1952.
4. Гречнев В. О прозе и поэзии XIX–XX вв.: Л. Толстой, И. Бунин. Г. Иванов и др. / В. О. Гречнев. – Режим доступа : www.uhlib.ru/literaturovedenie/vjacheslav...o.../pb.php (дата обращения: 20.01.2014)
5. Зайцев Б. К. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба; Автобиографическая тетралогия / Б. К. Зайцев. – М.: Русская книга, 1999. – 624 с.

6. Катаев В. Б. «Чайка» / В. Б. Катаев // А. П. Чехов. Энциклопедия. – М.: Просвещение, 2011. – 696 с.
7. Сухих И. Н. «Сказавшие «О!» Потомки читают Чехова» / И. Н. Сухих // А. П. Чехов: pro et contra. Т. 2. – СПб.: РХГА, 2010. – 1094 с.
8. Трифонов Ю. В. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 2. Повести Ю. В. Трифонова. – М.: Худож. лит., 1986. – 495 с.
9. Турков А. М. Вступительная статья / А. М. Турков // Трифонов Ю. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1978.
10. Шитов А. П. Гуманизм в плену: Нравственная упругость прозы Юрия Трифонова / А. П. Шитов. – М.: Любимая Россия, 2010. – 432 с.
11. Экштут С. А. Юрий Трифонов: Великая сила недосказанного / С. А. Экштут. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 398 с.
12. Чехов А. П. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7 / А. П. Чехов. – М.: Правда, 1970.

THE REFLECTIONS OF «THE SEAGULL»
BY ANTON CHEKHOV
(«THE STORY OF UNREQUITED LOVE» A.M. GORKY
AND «THE LONG GOODBYE» Y.V. TRIFONOVA)

Yablonskaya Elena Evgenevna,

*PhD in Chemistry,
member of the Union of Writers of Russia
(Russia, Moscow),
e-mail: yablonska59@mail.ru*

The article examines the literary connections and parallels of the play «The Seagull» by Anton Chekhov, «The story of unrequited love», Gorky and the novel «The Long Goodbye» of V. Trifonov. The author emphasizes the ambiguous perception of Chekhov's creativity at the turn of XIX–XX centuries by the example of the diary writings of Gertsyik sisters - the brightest representatives of the Silver Age.

Keywords: «The Seagull», Anton Chekhov, Adelaide Gertsyik, Eugene Gertsyik, «The story of unrequited love», Gorky, Ostrovsky, «Unendowed bride», V. Trifonov, «The Long Goodbye».

References

1. Gertsyik E.K. Reminiscences: Memoirs, notebooks, diaries, letters / E.K. Gertsyik. Moscow. 1996. 443 p.

2. Golovacheva A.G. «Subject for a Short Story» / A.G. Golovacheva // Chekhoviana. «The Seagull» Flight. Moscow: Nauka, 2001. P. 19-35.
3. M. Gorky Collected Edition in thirty volumes. Vol. 16 / M. Gorky. Moscow. 1952.
4. Grechnev V. On the prose and poetry of XIX-XX centuries: Tolstoy, Bunin. Ivanov et al. / V.O. Grechnev. Access: www.uhlib.ru/literaturovedenie/vjacheslav...o.../p6.php (reference date: 20/01/2014)
5. Zaitsev B.K. Collected Edition: In 5 vols Vol. 4. Travel Gleb; Autobiographical tetralogy / BK Zaitsev. Moscow: Russian Books, 1999. 624 p.
6. Kataev V.B. «The Seagull» / V.B. Kataev // Chekhov. Encyclopedia. Moscow: Education, 2011. 696 p.
7. Suhii I. «said the «O» Descendants of reading Chekhov» / I. Suhii // Chekhov: pro et contra. T. 2. St. Petersburg. 2010. 1094 p.
8. Trifonov V. Collected Edition. In 4 vol. Vol. 2. Tales V. Trifonov. Moscow. 1986. 495 p.
9. Turkov A.M. Introductory article / A.M. Turkov // Trifonov Yu. Selected works in two volumes. T. 1. Moscow. 1978.
10. Shitov A.P. Humanism in captivity: Moral elasticity prose Yuri Trifonov / A.P. Shitov. - Moscow. 2010. 432 p.
11. Jlshtut S.A. Yuri Trifonov: The great strength unsaid / S.A. Jlshtut. Moscow. 2014. 398 p.
12. Chekhov A.P. Collected Edition in eight volumes. Vol. 7 / A.P. Chekhov. Moscow. 1970.

